

АНАТОЛИЙ ГАЛКИН

ОХОТА
К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Место под солнцем

Анатолий Галкин

Охота к перемене мест

«Автор»

Галкин А.

Охота к перемене мест / А. Галкин — «Автор», — (Место под солнцем)

Адвокат Ольга Крутова вместе с подругой живут богато, но скучно. Их мужья активно работают, редко бывают дома, и вот девушками овладела жажда приключений! Охота к перемене мест... Они идут на актерские курсы в «Останкино», и там старая гримерша предлагает им авантюру. Дело в том, что Ольга очень похожа на актрису Дубровскую, которая хочет временно отказаться от главной роли в сериале. Ради мужа-олигарха пойдешь на любые жертвы!.. Крутову немного гримируют, и она вместо Дубровской едет на съемки в Боровск. Но всё не так просто! У артистки Дубровской была еще одна причина скрываться... Ее первый муж недавно погиб, украл у братков чемодан ценностей. И теперь уже в Боровске бандиты гонятся за Крутовой, считая, что она Дубровская, за ее мужем, за подругой, за мужем подруги...

© Галкин А.

© Автор

Анатолий Галкин

Охота к перемене мест

По правой стороне шоссе машины двигались неторопливо. Заходящее солнце висело над горизонтом и слепило глаза водителям, выезжавшим из Москвы.

Недалеко от Калужского шоссе на опушке леса остановились четыре иномарки. Из багажника «Шевроле» появился столик и четыре раскладных стульчика. Хозяева машин уселись под березой и выставили перед собой шипучие напитки... Со стороны всё выглядело пристойно. Это было похоже на короткий пикник бизнесменов. Но из беседы становилась ясно, что это нормальная бандитская разборка. Трое против одного! Молодые нахальные ребята что-то требовали от испуганного лысого мужчины. Тот пытался объяснить и оправдаться, но ничего не получалось. Ему не верили!

«Лысый» – это сорокалетний таможенник, которого все звали по фамилии Дубровский. Имена остальных собеседников тоже в разговоре звучали, но это были прозвища или, на тюремном жаргоне, «погоняла»...

Лишь одна кличка была близка к настоящему имени. Тридцатилетнего Колю Чижова друзья называли «Николя». На французский манер – с ударением на последней букве.

Игоря Фокина именовали «Шпунт». Это, вероятно, за его шустрость и желание лезть во все дыры.

Последний и самый старший из троицы имел благородный псевдоним «Червонец», что соответствовало его нормальной фамилии – Ефим Злотников.

Претензии к Дубровскому предъявлял Ефим. Он был немногословен и логичен.

– Так, приехали! Снова у нас тупик. Начнем плясать от печки... Месяц назад мы с тобой, Дубровский, договорились о переправке товара. Так?

– Да, мы договаривались...

– Отлично!.. Вещей был мизер. Не вагон и не фура, а так – чемодан средних размеров. Правильно?

– Согласен, Ефим Борисович, груз был небольшой...

– Хорошо, Дубровский! Мы договорились, и на следующий день Никола со Шпунтом принесли к тебе груз. А что было дальше?..

...А дальше Дубровский показал троице большую серебристую фуру, в которой он спрятал чемодан. Эта машина с грузом каких-то тряпок из Иванова отправлялась через Минск и Варшаву на Берлин.

Сразу после выхода грузовика с московской таможни его стали сопровождать три иномарки – два «Опеля» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт».

Уже через сутки Злотников, Фокин и Чижов наблюдали, как фура проходит польскую таможню. Обстановка была нервной, но и веселой. Смешно было наблюдать, как шофер хорохорится, размахивая документами. Дело в том, что водитель фуры был не при делах – он ничего не знал о грузе, который Дубровский подложил в кузов. Он не знал, что он контрабандист!.. Очень прикольно!

После успешного пересечения границы надо было изъять из фуры чемодан. Но для этого нужен был удобный случай. И он представился буквально через час...

Справа начался густой польский лес... Заметив среди дубов проселочную дорогу, водитель притормозил и осторожно направил тяжелую фуру в дубраву.

Через триста метров он остановил машину, выскочил из кабины и зачем-то бросился в кусты. Он так спешил, что не заметил, как в лес въехали три иномарки – два «Опеля» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт»...

Водителя они не били!.. Так, легко намяли бока, завязали глаза, сунули кляп и привязали к польскому дубу... Сразу же вскрыли машину и начали поиск спрятанного груза.

Разборка фуры длилась больше часа!.. Вокруг лежали кипы текстиля. Из разорванных тюков по поляне струились красивые ткани от ивановских ткачих... Машина была пуста, но чемодана с товаром нигде не было... Ребята собирались забрать свой груз и отправиться по маршруту Варшава – Берлин – Париж – Лондон. Они не собирались возвращаться в Россию – им троим хватило бы до конца жизни.

Но пришлось ехать в Москву... Напоследок они жестко допросили шофера, но сразу было видно, что он в такие игры не играет...

И вот теперь все начиналось по новому кругу... Слева шумело Калужское шоссе. Николая и Шпунт нервно сосали из банки «Спрайт», а Червонец продолжал ставить вопросы.

– Так, где наши игрушки, Дубровский?

– Мне и самому это интересно... Может быть, шофер по дороге украл?

– Не мог он этого сделать! Мы в шесть глаз его опекали. От самой таможни фура шла под нашим присмотром... Думай еще, Дубровский!

– Вы могли не найти! Когда фура загружалась, я чемодан в дальний угол положил. Поближе к кабине...

– Не получается, Дубровский! Мы под Варшавой два часа машину разгружали. Вот этими руками каждую кипу пересчитали... Где наши вещи!

– Значит, что кто-то у меня в таможне подсуетился. Все жулики! Никому верить нельзя...

– Кончай заливать, Дубровский! Тогда был день твоего дежурства. Ты сказал, что глаз с фуры не спускал... Где чемодан, гад?.. Ребята, надо вытрясти из него правду! Я нутром чую, что вещи у него.

Дубровский сжался в комок. Он сообразил, что сейчас ему будет очень больно... И любые действия бесполезны. Можно протестовать, кричать и сопротивляться, но всё равно его скрутят и будут бить...

Шпунт подошел сзади и ногой выбил из-под таможенника стул. Дубровский упал. Он сразу почувствовал, что сердце неприятно дернулось и начало часто колотиться, постоянно сбиваясь с ритма... Такое с ним бывало, но очень редко, только в моменты крайнего волнения... Аркадий Вадимович попытался вспомнить, в каком кармане сердечные таблетки, необходимые в данном случае.

Он вспомнил! Правая рука потянулась в карман пиджака, но подоспевший Николай на футбольный манер взмахнул ногой и тяжелым ботинком ударил в локоть Дубровского... Тот хотел взвыть от боли, но даже на это сил не хватало. Он вяло прошептал:

– Лекарство в кармане... Не бейте. Я отдам ваши вещи...

Злотников встал и, потирая руки, подошел к лежащему таможеннику. Ефим улыбался, но очень зловеще.

– Конечно, отдашь! А куда ты денешься с нашей подводной лодки?.. Ребята, прислоните его к машине. Пусть сядет. А то я лежачих не бью.

Аркадия Вадимовича протащили по поляне, приподняли и приложили спиной к колесу «Шевроле». После завершения этой операции Шпунт наклонился и кулаком врезал Дубровскому в челюсть.

Он ударил резко, но не сильно. Ему просто хотелось расслабиться и восстановить справедливость... А для таможенника этот мордобой оказался последней соломинкой. От стресса и обиды его сердце затрепетало во все стороны и начало затухать.

Дубровский закатил глаза, улыбнулся, дернулся, а потом он сам и его взгляд замерли...

Злотников первым понял ситуацию.

– Ты что, Шпунт, сделал?.. Он собирался сказать, где чемодан! Где нам теперь искать вещи?

– Не бери в голову, Ефим! Теперь найдем... А этого франта я почти и не тронул. Он от страха умер... Или от жадности! Уже привык к нашему добру. А как понял, что придется расстаться с чемоданом, так и очурился...

– Хватит, Шпунт, шутки шутить! Ты клиента успокоил, вот ты за собой и прибири... Его нельзя здесь оставлять – мы тут слишком наследили. Засунь его в машину, вывези на трассу и там взорви.

– Нет проблем, шеф!.. Сейчас повеселимся.

Шпунт живо затащил тело Дубровского в его же «Форд», а сам бросил на заднее сиденье свой кейс и сел за руль... Он отвел машину всего на двести метров и оставил ее на дороге, ведущей к Калужскому шоссе.

Уходя, Шпунт подтянул таможенника поближе к рулю и положил рядом с ним небольшое устройство, извлеченное из кейса... Потом он пешком вернулся на поляну.

Два «Опеля» и асфальтовое «Шевроле» дружно ушли с поляны и вырулили на Калужское шоссе. Они двигались к Москве на небольшой скорости, наблюдая за одиноким «Фордом», стоящим на боковой дорожке... Вот из за леса появились два джипа, которые приближались к машине Дубровского. Шпунт насторожился и притормозил. В руках у него появился включенный мобильник с заранее набранным номером.

Когда машины подошли поближе, Шпунт нажал кнопку... Через три секунды что-то грохнуло, а там, где стоял «Форд» жадного Дубровского возникло огненное облако!.. Джипы, оказавшиеся вблизи взрыва, подпрыгнули, сорвались с дороги и стали кувыркаться на полянах за обочиной.

И «Шевроле», и два «Опеля» тоже тряхануло, хотя они находились за двести метров от взрыва... Ефим Злотников дал отмашку, и три иномарки резво рванули к Москве. И это понятно – надо «делать ноги», пока не загребли, как свидетелей...

* * *

Уже начало темнеть... Сегодня Денис обещал придти пораньше, но опять опаздывал. Так было и вчера, и позавчера и еще раньше... Это – тенденция!

И Ольга испугалась, что у мужа появилась любовница. Если так, то это легко объясняло его задержки... Правда, при этом совершенно отсутствовали другие надежные признаки измены – следы помады на рубашках, женские волосы на пиджаке и запах чужих духов...

Ольга Крутова стала нервничать и совсем запуталась...

Она слышала, что в семейной жизни бывают критические сроки. Это такие годы, когда можно запросто потерять счастливую любовь. Это – народная мудрость! Об этом говорили все, но вот только в цифрах были расхождения.

Пятидесятилетняя соседка Ольги, называвшая себя Марианной, тоже уверяла, что есть периоды опасные для брака. Это три года, семь лет и тринадцать. Она клялась, что знает об этом на собственном опыте. Она говорила, что эти три даты сидят в ней, как три спицы в сердце.

В первый критический момент Марианна застала мужа с соседкой. Закатила нормальный скандал и простила!.. Через четыре года она накрыла его с секретаршей. Устроила большой скандал и снова простила!.. А через тринадцать лет после свадьбы – стыдно сказать! Соседка застукала своего благоверного с продажной женщиной. Не с дешевкой, а с той, которая по двести баксов в час или пятьсот за ночь... И опять после грандиозной разборки с битьем посуды Марианна простила муженька.

Ольга верила жизненному опыту соседки. Тем более, что та подводила к этому научную базу – три, семь и тринадцать нечетные годы, которые делятся только на себя. А значит, что виновата именно математика, а не муж Марианны... Хотя он – ренегат, Иуда и кот мартовский!

С математикой у Ольги Крутовой всегда было плохо, но она уловила, что в этом ряду пропали цифры пять и одиннадцать... Кроме того у ее подруги Ванды Горбовской все разводы проходили на четных годах супружества – или на втором, или на четвертом...

Денис пришел только в одиннадцать вечера. Его вид только усилил подозрения Ольги – муж был не только усталый, но и взволнованный. И даже возбужденный!

– Ты представляешь, Оля, три часа потерял впустую. И где? Почти рядом с нашим домом.

– А что случилось?

– Взрыв!.. На повороте с Калужского шоссе три машины всмятку!.. Одна вообще на клочки разлетелась, а две других перемяты и покалечены.

– А люди?

– Люди живы! Только шок и синяки... Ну, это те, которые помялись. А тот, что взорвался – его и не нашли толком. Так в протоколе и отметили: «...найжены фрагменты тела».

– А ты, Денис, и протокол читал?

– Не только читал! Ты представляешь, мне даже подписывать пришлось... Я был свидетелем! Я спешил домой и решил встретиться с компаньоном на перекрестке Калужского шоссе. И я мельком видел на поляне четыре машины. Потом три уехали а одна взорвалась... Вот такие дела!.. Что с тобой, Оленька?

– Так ты и сам мог пострадать?

– Вот и нет! Мы стояли далеко от того места... Ты что это, плакать собралась? Почему?

– Почему? Потому, что я люблю тебя очень... Поклянись, что у тебя никого больше нет!

– Клянусь!.. Только не надо так говорить. Мне очень даже обидно.

* * *

Человек всегда чем-нибудь недоволен... До этой простой мысли Ванда додумалась сама.

Теперь у нее было всё! У нее был любимый муж – не на два года, не на четыре, а на всю жизнь!.. Они со Славой купили коттедж. И не где-нибудь, а рядом с Денисом и Ольгой... Теперь у нее были деньги на любые тряпки и побрякушки... Теперь у нее была масса свободного времени. Она могла не просто отдыхать, а бездельничать...

Всё хорошо! Но безделье очень быстро надоедает!

Ольга Крутова тоже забросила свою адвокатскую практику и помогала Ванде в обустройстве нового коттеджа... Но когда был наведен полный уют, подруги сели в мягкие кресла и задумались – впереди вырисовывалась скучная жизнь. Мужья – все в работе. Соседи прячутся по своим норкам. А в телевизоре – один сплошной рейтинг...

– Помнишь, Ольга, ты предлагала открыть детективное агентство?

– Это, когда мы клад в Крыму нашли?

– Да... Веселое было время... А может и правда, подруга, давай попробуем сыщиками поработать?

– Я против, Ванда!.. Это в кино у детективов интересные дела. А к нам пойдут ревнивые жены или дамы с пропавшими собачками... Вот подумай, Ванда, как ты будешь искать сбежавшую болонку?

– Да, ты права! Перспектива не радужная...

– Но слушай сюда, Ванда, если ты хочешь время чем-то занять, то у меня есть интересный вариант...

Их общая соседка Марианна была женой известного продюсера Сикорского. И естественно, что она хорошо разбиралась в искусстве вообще и во внутренней кухне телецентра Останкино...

Недавно она предложила Ольге пойти на платные актерские курсы при каком-то из главных каналов ТВ.

– И в вас, Оленька, и в вашей подруге я вижу яркий талант. Вы созданы для успеха!.. Это так прекрасно! Сотни мужчин будут ловить ваши взгляды... Нет, я не призываю к изменам. Мужья – это святое! Но легкий флирт будоражит кровь. Это ново, ярко, весело. Вы забудете о скуке...

Вначале Крутова и не думала учиться на актрису. Но для интереса она начала узнавать про эти курсы. Оказалось, что их ведет старый артист Рошин. На занятиях он репетирует с народом Шекспира, преподает театральное мастерство и систему Станиславского. К нему в гости приходят известные люди – знаменитые экранные личности. Студентов водят на съемки всяких шоу. Иногда их снимают в массовке или в рекламе...

Уже настроившись идти в Останкино, Ольга спросила совета у мужа. Денис Носов думал долго. Он пытался объяснить плюсы и минусы этого мероприятия. Его общий вывод таков – артисток из вас с Вандой не получится, но развлечься сможете. В конце концов – появятся интересные знакомства в киношном мире. И это хорошо!

* * *

На первую лекцию Рошин опоздал. В зале собрались студенты трех групп – это не меньше шестидесяти человек. Все были взволнованы началом своей артистической карьеры. Все переговаривались, шутили и гудели, как шмели в банке... Когда прошли десять минут ожидания, то публика стала шуметь и откровенно выражать недовольство.

Никто не обратил внимания, как в зал вошла старушка в ярком синем халате. Она поднялась на сцену, подождала минуту, подняла вверх правую руку и пародируя Петьку из «Чапаева» закричала:

– Тихо, граждане! Рошин в пробке застрял...

Зал замолк... Старушка в синем подошла к трибуне и проверила микрофон. Он работал. Тогда бабуся начала свою лекцию:

– Нехорошо, ребята! Андрей Вадимович на Сухаревке стоит, волнуется о вас, а вы шалите... Зачем кричите? Вы пришли в храм искусств, а ржете, как лошади... Или вы думаете, что телевидение не храм? Кто из вас считает, что тут балаган, где всё продается? Поднимите руки! Не бойтесь, я вас не заложу...

Сразу в зале нашлось семеро смелых... Потом еще несколько человек подняли руки. Но эти были из робкого десятка. Эти тянули ладони не долго и не очень высоко – они как бы поправляли прическу или чесали за ухом.

Женщина, стоявшая на трибуне, осмотрела зал и усмехнулась.

– Не ожидала, что среди вас столько храбрецов... Конечно, вы правы, но лишь частично. Продажность на телевидении есть, но ее везде много. А здесь она видна слишком отчетливо...

Вот я раньше работала в театре. Там я могла на актера любой парик нацепить. Припудрила швы, и вали на сцену! Ближайший зритель в десяти метрах – оттуда мелкие детали не видны... А на телевидении – совсем другое дело! Тут каждый волосок, каждая морщинка во весь экран. Любая фальшь видна, как под микроскопом... Грим на телевидении – это высокое искусство!

Зал притих. Некоторые студенты даже раскрыли тетради и начали конспектировать. И не зря! «Лекция» была очень забавная...

Гримершу звали красиво – Маргарита Львовна Зинчук. Но она просила всех называть ее коротко – Марго. И в глаза, и за глаза.

За час, пока Рошин прохладился в пробке, Марго раскрыла кандидатам в артисты некоторые секреты телевизионной кухни. Прежде всего, она рассказала о местном жаргоне.

– Не зная этого языка, вы здесь, как слепые котятка. Ничего не поймете!.. Вот морской язык знают все. Вам скажут: «Кок после склянок будет на камбузе». И никому не надо переводить. Всем и так ясно – кто, где, когда... А теперь слушайте здешний сленг: «Нам надо ехать в Стакан, просеять лохов, отделить гоблинов и сделать ладушки. Вожак сам расставит мебель»... Кто понял смысл? Думайте...

Зал замер. Студенты думали изо всех сил, и было слышно, как что-то скрипит в их головах. Очевидно, что где-то там внутри шарики с трудом цеплялись за ролики... Марго выждала минуту и, чувствуя свою победу, продолжила:

– Теперь перевожу... Нам надо поехать в «Останкино», пообщаться с теми, кто будет изображать зрителей в студии. Из них надо выявить и удалить тех, кто будет мешать передаче – слишком активных или вялых.

Студенты начали активно записывать. Теперь всем стало ясно, что такое Стакан и кто такие лохи и гоблины... А Марго продолжала:

– Потом вам надо рассадить «лохов» и до передачи заснять смех и аплодисменты зрителей. Потом эти «ладушки» вмонтируют в нужные места... Теперь о мебели. «Вожак» – это продюсер передачи. Он встретит и посадит на первый ряд всяких консультантов, писателей, политиков. Они должны поддакивать ведущему, кивать, улыбаться. Кто-то даже скажет два-три слова. Но фактически их позвали «для мебели»... Ну как, ребята, умею я бантики завязывать?

И опять зал замер. Все поняли, что и это жаргон. Что слово «бантик» это не то, что на косичках у первоклассниц.

– Да, ребята. Для любой передачи бантик, как изюминка, как завлекательный и добрый сюжет, который держит внимание зрителя... Это, как тигренок, подаренный президенту...

Когда пришел Андрей Вадимович Рошин, то лекция стала солидной и скучной. Он говорил о высоком искусстве, о системе Станиславского, о сверхзадаче и вживании в образ...

Крутова и Горбовска чуть задержались в аудитории. Уходя, они столкнулись с Марго, которая поджидала их в коридоре... Старая гримерша взяла Ольгу под руку, подвела к окну и стала поворачивать во все стороны, рассматривая ее лицо.

– Да, так и есть!.. Вас как зовут, девушки?

– Я – Ольга Крутова... А это моя подруга Ванда.

– Отлично!.. Хотите в кино сниматься?

– Конечно, хотим, Маргарита Львовна.

– Меня зовут просто Марго... Так вот, Оленька, вы удивительно похожи на актрису Веру Дубровскую. Знаете такую?

– Что-то слышала, но не помню.

– Да, ее мало кто знает. Она два года назад приехала из Харькова, удачно вышла замуж и вдруг... Трагедия! Просто ужас!

– Что случилось, Маргарита Львовна?

– Недавно муж Дубровской погиб! Взорвался в собственной машине... Понятно, что Вера вся на нервах, а ей режиссер Фурман предложил большую роль.

– И она будет играть?

– А куда она денется?... Ой, девочки – актрисы это рабыни обстоятельств! Но ты, Оленька, можешь ей помочь. Ты похожа с Дубровской почти как две капли. Поверь мне – опытному гримеру. Я немного поработаю с твоим лицом, и вас никто не отличит даже на крупных планах... Пока она в трансе, ты будешь ее подменять! Хочешь?

– Хочу... Очень хочу, Маргарита Львовна!

– Я для вас просто Марго... Сейчас я звоню Вере, и мы все устроим. И для Ванды роль найдется...

Гримерша набрала на мобильнике номер и замерла, ожидая ответа...

– Странно, девочки! Что-то Дубровская не отвечает.

* * *

Из лежащего на столе телефона донеслись нежные звуки фортепьяно. Вальс Грибоедова звучал сначала тихо, потом громче, а затем начал работать виброзвонок. Аппарат стал жужжать, дрожать и двигаться по гладкой поверхности стола... Шпунт схватил вибрирующий мобильник, бросил его на диван и прикрыл подушкой.

Николя в этот момент проводил обыск на кухне, а Злотников осматривал кабинет таможенника.

Телефон отключился, но вскоре кто-то позвонил еще раз... Из-под подушки вальсок звучал вяло и жалобно. И вибрировать мобильнику было сложно.

Шпунт победно усмехнулся и подошел к пленнице.

Актриса Верочка Дубровская сидела посреди гостиной, привязанная к стулу. Одежда на ней была спальная – что-то легкое, короткое и кружевное.

Веревки были крепкие, но Шпунт решил проверить, насколько плотно они прижимают тело жертвы. Особенно в районе груди... Он зашел сзади и осторожно начал пропихивать вниз ладони.

Вера вздрогнула, задергалась и зарычала. Если бы не лоскут пластыря на ее губах, актриса сказала бы Шпунту всё, что она о нем думает. Она была родом из Харькова и с детства умела отлично выражаться на малороссийском «суржике» – яркой смеси полтавского с нижегородским.

Такое сопротивление только раззадорило Шпунта. Он попытался перейти к более активным действиям, но на шум прибежал сначала Николя, а потом пришел Ефим Злотников. Он, как главарь этого сообщества, не мог допустить анархии и всяких шалостей.

– Ну, всё, Шпунт, ты меня достал! Убери от нее руки!.. Ты забыл, зачем мы сюда пришли? Так я тебе, Игорек, напомню...

В голову Ефима Борисовича вдруг пришла умная мысль. Он вспомнил байки про то, как менты нагло разводят подозреваемых, играя в злых и добрых следователей.

Только что Шпунт, не думая об этом, сыграл нехорошего «мента». А он, Фима Злотников по кличке «Червонец», сейчас изобразит доброго дядю.

Ефим выдернул Шпунта из-за стула, встряхнул его и поставил перед пленницей. Убедившись, что Дубровская смотрит на них, Червонец произнес четко и с интонацией благородного графа:

– Я не позволю вам, Шпунт, так обращаться с женщиной!

После этого Ефим Борисович выдержал небольшую паузу и неожиданно правым кулаком врезал Шпунту в левую челюсть.

Нокаута не получилось, но был страшный грохот. Бедный Игорек Фокин отлетел в угол, где стоял большой керамический слон индийской работы... Сам-то слон удар выдержал, но на спине этого восточного гиганта стояла этажерка из бамбука, а на ней пальма в ярком горшке.

После того, как голова Шпунта потревожила слона, бамбук заскрипел и зашатался, размахивая пальмой... Наконец всё грохнулось! Лежащий на полу любвеобильный Игорь был засыпан землей, зеленью и осколками горшка, который Вера из Харькова называла красиво – вазон.

Шпунт приподнялся, растирая по лицу чернозем с кровью. Он громко произнес обличительную речь... Если убрать эмоции, то в словах Игоря было всего три мысли: «Это полный беспредел! А что я такого сделал? Ну ты, Червонец, совсем оборзел».

Смотревший на это Николая не стал выражать солидарность напрямую, но для порядка пару раз недовольно крикнул... Нет, если по делу, то можно и рожу начистить, но зачем же без повода. Несправедливо это!

Ефим Борисович сделал предупреждающий жест. И все замолкли... Он приблизился к Вере и начал ласково снимать пластырь с ее губ. При этом Червонец сделал доброе лицо и заговорил отеческим голосом.

– Только не надо кричать. Давайте, Верочка, спокойно поговорим... Мои друзья – хамы! Они не умеют вести себя с женщинами. Но надо и их понять. Ваш муж взял у нас очень ценные вещи. Хотел отдать, но как-то вдруг взорвался... Вы на них больше не сердитесь, или мне опять пластырь лепить?

– Нет!.. Я уже не сержусь на них. Очень милые мальчики... А какую вещь не вернул мой муж? Что вы ищете?

– Это, Верочка, не одна вещь, а несколько. Это такая разная утварь... Ты не парься насчет подробностей! Весь товар был упакован в чемодан. Он такой средних размеров – не кейс, но и не баул. Квартиру мы всю осмотрели – нет его!.. Где чемодан, стерва!

– Я даже не знаю... Может быть Аркадий его на работе оставил?

– Он не дурак, чтоб такие улики на таможне хранить. Там все борзые, и стучат друг на друга.

– А на нашей даче?

– Мы всю прошлую неделю у тебя на даче рыскали. Все цветы-кусты повыдернули. Огород три раза перекопали... Думай, Вера! От этого вся твоя жизнь зависит.

– А если в гараже посмотреть? Там у нас есть погреб.

– Нет теперь погреба! Мы вчера там, как кроты копались. Все стены обрушили... Думай, девочка! Крепко думай!

– Я пока и не знаю... Друзей у Аркаши не было. С братом он в крепкой ссоре... Чемодан – это не иголка.

– Точно, красавица... Соображай, куда он дел наши вещи. Четыре дня тебе даю. Не вспомнишь, так всю жизнь будешь играть две роли.

– Какие?

– Бабу Ягу и горбунью-хромоножку...

– Это такая шутка?

– Не угадала, Вера! Это я на полном серьезе!.. И не вздумай сообщить ментам! Если нас возьмут, то у тебя всё конфискуют. Голая уйдешь на улицу! Здесь всё вокруг ворованное...

* * *

Гримерша Зинчук жила не просто в центре Москвы, а на знаменитой улице – Кузнецкий Мост. Она всегда шутила, что от ее дома 150 метров до самых важных мест – до Большого театра, до Тверской, до ЦУМа и до Генеральной прокуратуры.

Квартирка была однокомнатная, но с наборным паркетом, с лепниной на бордюрах и неработающей печкой в изразцах. Это не жилплощадь, а миниатюрный дворец. За такое чудо шустрые квартирные маклеры предлагали Марго новую «трешку» в Южном Бутово, но она гордо отказалась. И правильно – зачем ей сто девять квадратных метров у черта на Куличках? Да еще с линолеумом и с блеклыми обоями...

То, что Дубровская не отвечала по своему мобильнику было не просто странно, а очень странно!.. Гримерша уже год общалась с Верой из Харькова, и та не расставалась с трубкой ни на секунду. Несколько месяцев назад, когда еще не взорвался ее Аркадий, Дубровская горько пошутила, сообщив Марго, что постоянно спит лишь с сотовым телефоном, а с мужем изредка, лишь по большим праздникам...

Шутка шуткой, но Маргарита Львовна начала серьезно волноваться. Когда Дубровская овдовела, гримерша стала опекать ее как мать или даже сильнее – как бабушка. Они часто секретничали о нарядах и мужчинах. Верочка мечтала о том, что еще возможно, а Марго вспоминала о своих девичьих приключениях.

Подходя к своему дому на Кузнецком Мосту, гримерша трижды звонила актрисе... Всё впустию!

Дубровская объявилась сама!.. В одиннадцатом часу, когда уставшая Маргарита Львовна натянула ночную рубашку, собралась лечь и почитать в постели детектив, Верочка начала звонить в дверь, а потом стучать – громко и нетерпеливо... Вскоре они пили чай с тортом и ликером.

Дубровская рассказала почти всё! Всё, кроме самого главного... Она умолчала о украденном чемодане и о визите милых ребят – Червонца, Николая и Шпунта.

Вера и раньше говорила Марго, что у нее появился богатый поклонник. В своем первом фильме она сыграла яркий эпизод. Там по сюжету три подружки сидели на берегу озера. И героине Дубровской вдруг захотелось купаться. Она стремительно разоблачилась и в натуральном виде пошла в воду.

Очень короткий эпизод, но сделан мастерски!.. Одним словом, посмотрев всё это, сорокалетний бизнесмен Глеб Барханов воспылал к актрисе чувствами. Он влюбился, как пылкий мальчик, полный страсти нежной... Возможно, что здесь был элемент купеческого форта – что хочу, то должно быть моё!

Пока был жив Аркадий Дубровский, Вера регулярно встречалась с Глебом Наумовичем, но интима не предлагала. Мужа она не любила, но изменять ему пока не собиралась... Она разрешала Барханову возить себя в дорогие рестораны, дарить подарки, знакомить с нужными людьми.

Теперь ситуация перевернулась. Когда изменять стало некому, то Глеб начал проявлять настойчивость. Сегодня он встретился с Верочкой и поставил вопрос ребром – или она немедленно едет с ним в особняк на Днепре, или полный разрыв!.. Особняк Барханова под Киевом. Это не дом, а замок с участком в три гектара. В прудах осетры, на лужайках павлины... Есть о чем подумать!

– Вы поймите, Марго! Он встал передо мной на колени и сказал: «Или-или. У меня тоже есть гордость»... Что мне делать? Я пока его совсем не люблю...

– Надо, Верочка, ехать к Барханову!

– А любовь?

– А павлины?.. Любовь, она выше денег, но деньги сильнее... Вот посадит он тебя на яхту, повезет в Испанию. А по дороге заходы в Стамбул, в Афины, в Неаполь. Везде роскошь класса «Люкс»... И всё! Стерпится-слюбится!

– Здесь, Марго, я согласна. Но меня утвердили на главную роль. Через пять дней начнутся съемки в каком-то Боровске. Если я подведу продюсера с режиссером, то мне никогда не быть актрисой.

Маргарита Львовна встала. Она всю жизнь работала стоя, и так ей лучше думалось... Сегодня днем она познакомилась с Ольгой Крутовой. Это, конечно, не близнец Верочки, но её двойник. А если пару дней поработать с прической, макияжем и дикцией, то никакой Фурман не отличит.

– Верочка, у тебя есть в съемочной группе близкие друзья?

– Нет. Все мои друзья в Харькове остались... Из группы я знакома только с режиссером Фурманом. Да и то – шапочно. На пробах перебросились парой фраз... А что?

– А то, милая, что у меня есть план. Они оба будут наши – и Барханов с деньгами, и Фурман с кино... Сейчас я тебе дам адрес одной девицы... Вот она – Ольга Крутова! Это почти твоя близняшка... Ты, Вера, должна поехать к ней и уговорить сниматься вместо тебя. Она авантюристка, она пойдет на эту аферу...

Выходя от Марго, Дубровская похвалила себя за хитрость. Как хорошо, что она не сказала гримерше про трех бандитов. Тогда бы не возникла идея с рокировкой... Теперь бандиты пойдут по ложному следу. Жалко, конечно, эту Крутову, но своя шкура дороже...

Вера вышла на Кузнецкий, видя, что за ней плетется гадкий Шпунт. А еще она знала, что где-то рядом их на машине сопровождает Никола... Теперь она не боялась этой слежки! У нее появился гонор и приятное злорадство. Скоро она всех их облапошит – и бандитов, и киношников, и самого Барханова. Но это, если Глеб Наумович не предложит заключить брак в киевском ЗАГСе...

А если он предложит, то можно немножко пожить миллионершей... И сразу же, как советовала Марго, на яхту и в Стамбул, в Афины, в Неаполь, в Марсель...

Дубровская шла по тихому переулку от Неглинки к Сандуновским баням... Она оглянулась – в десяти метрах за ней усталым шагом плелся Шпунт. А еще дальше полз «Опель», за рулем которого сидел Коля Чижов по кличке Никола...

* * *

Ольга не согласилась бы на эту авантюру ни за какие коврижки. Но при разговоре с Дубровской присутствовала Горбовска. А польская кровь всегда кипит от амбиций и эмоций...

Крутова сопротивлялась три часа, но Вера с Вандой просто взяли ее в клещи и методично давили.

Доводов было много... Первое – получение главной роли в фильме. Просто так! Без долгой учебы в театральном ВУЗе, без интриг, без нудных проб, без обязательной режиссерской постели...

Теперь второе – Дубровская обещала завтра устроить в этом фильме маленькую роль для Ванды Горбовской. А помощь подруге – святое дело...

Далее – Ольга с Вандой помогут Дубровской устроить ее личную жизнь. Это благородно! Если Вера станет великой актрисой, то яркий эпизод с рокировкой войдет в анналы и прочие мемуары.

Четвертое – и Ольга, и Ванда приобретут огромный актерский опыт и практику интриг в творческом коллективе.

Пятое – подмена никогда не раскроется. Но даже если их разоблачат, то по законам жанра все трое будут в шоколаде! Творческая раскрутка и народная популярность зависят только от скандала. От любой бузы!..

Шестое – в любом случае это будет яркое приключение, которое запомнится на всю жизнь!

С последним доводом Крутова согласилась безусловно. Этот обман может вылиться в такой незабываемый скандал, что мало не покажется...

Последним возражением Ольги были мужья. Говорить им правду или лгать? Вот в чем вопрос!

Ванда сразу сообщила, что она сторонница компромиссов, консенсусов и женской хитрости. И Денис, и Слава услышат правду, но не всю... Можно сказать им, что Ольге и Ванде предложили роль в отличном фильме «Любовь с видом на море». И это будет правда!.. А то, что Крутова будет играть под чужой фамилией – это нюанс, о котором можно сказать чуть позже... Когда?.. После возвращения из города Боровска, где будут проходить съемки.

* * *

Сегодня утром Дубровская сама подошла к Шпунту... За последние четыре дня она сроднилась с этим парнем. При первой встрече он вел себя, как хам, хотя его необузданная страсть была ей даже приятна... Но вот в последние дни она гоняла его по всему городу. Она никогда не пыталась оторваться, и он топал за ней с утра до вечера.

Шпунт помнил, что сегодня последний день слежки. Он уже передал Злотникову полный отчет о работе. Это был список мест, куда заходила Дубровская – жилые дома, коттеджи, магазины, туалеты. И везде время захода и ухода, а также вероятные контакты, если таковые проявлялись. Чистая работа!

За эти дни они не общались, не говорили и старались даже не переглядываться... Но сегодня она сама подошла к нему.

– Вас, кажется, зовут Игорь?

– Ну.

– Очень красивое имя... А Шпунт – это ваш псевдоним?

– Не!

– Это ваша кличка?

– Ну!

– Я помню, что ваш начальник хотел сегодня ко мне зайти.

– Ну...

– Четыре дня, конечно, прошли, но я только начала вспоминать подробности. Вы, Игорь, не могли бы попросить вашего главаря об отсрочке. Мне нужен еще один день... Вы его попросите, Игорек?

– Ну!

– Что «ну»? Ты как попугай заведенный! Ты что, Шпунт, других слов не знаешь?.. Так ты передашь Червонцу мою просьбу?

– Конечно, передам! Нет базара!.. Я еще это... Ну, я хотел тебе сказать. Ну, то, что я зря тебя тогда шупал. Очень захотелось – удержаться не смог!.. Ты извини!

– Ладно, Игорь – проехали!.. Только обязательно передай мою просьбу. Если заявитесь сегодня, то я вообще ничего не вспомню...

* * *

Дубровская подумала, что из нее могла бы получиться разведчица. Это только недалекие люди считают всех женщин трепачками... Нет! За четыре дня она встречалась с разными людьми – с соседками, с портнихой, с Марго, с Ольгой Крутовой, с Вандой и наконец с о своим будущим женихом, с Глебом Наумовичем Бархановым. И никому, даже намеком Вера не сказала о трех бандитах и их чемодане... Если вся комбинация сработает, то Крутова по ее паспорту поедет на съемки в Боровск. За Крутовой побежит Червонец со своими Шпунтами, а она сама ляжет на дно в особняке с павлинами... Мата Харри отдыхает!

Продюсер фильма Артур Умнов закупил для съемочной группы два вагона СВ. Это говорило о щедром финансировании сериала «Любовь с видом на море». Обычно актеры второго плана, звукооператоры и всякие там костюмеры ехали в купейном, а то и в плацкартном...

Поезд уходил в Боровск сегодня в восемь вечера. Курьер уже доставил билеты для нее – актрисы Веры Дубровской и для ее подруги Ванды Горбовской, которой обеспечена маленькая роль... Все идет по плану!

В три часа дня к Дубровской приехала Марго со своим волшебным чемоданчиком... Она только успела разложить на трюмо грим, парики, краски, как раздался еще один звонок. Это пришла Ольга.

Крутова была непохожа на себя! На ней было нелепое яркое платье с турецкими огурцами, рыжий парик и темные очки... Дубровская бросилась к ней, как к лучшей подруге.

– Оленька, ты извини, что я попросила тебя так нарядиться. Я не хочу, чтоб соседи заметили мой уход... Я сейчас надену это заметное платье, напялю твой рыжий парик, и все подумают, что не я выхожу из дома, а та, которая ко мне пришла.

– Вера, вы сразу к жениху?

– Да, Глеб ждет меня... Если и правда свадьба получится, то я ваша должница по гроб жизни – и твоя, Ольга, и ваша, Марго.

Крутова вытряхнула на кровать всё содержимое своей сумочки и протянула ее Дубровской. Потом она стянула с себя платье и осталась в одном купальнике.

В свою очередь Дубровская выложила на кровать свою одежду, в которой ходила эти четыре дня. Сверху бросила свой мобильник, паспорт, билеты до Боровска и ключи от квартиры.

– Вот и все, Ольга! Теперь ты не Крутова, а Дубровская... Сейчас Марго тебя подправит, и мы сами запутаемся – кто есть кто!

– Но это только на время съемок?

– Это, Оленька, как получится... Свои чемоданы я для тебя собрала. Но ты командуй в этой квартире, будь хозяйкой... Ванда сюда приедет?

– Да, через час.

– Вот и хорошо! А ровно в семь за тобой заедет продюсер.

– За мной?

– Он заедет за актрисой Дубровской. А значит – за тобой... Привыкай, Оленька! Откликаться на имя Вера, ну и все такое... Продюсера зовут Артур Умнов. Мужуку за пятьдесят, но очень любит молоденьких женщин. С ним надо осторожно.

Тем временем Дубровская натянула платье с огурцами, рыжий парик и темные очки. Подхватив сумочку, она пошла к двери. Уже на пороге она остановилась и развернулась.

– Спасибо вам, Марго... И тебе, Ольга – спасибо! Не волнуйся. Все будет хорошо. Ты разговаривай со всеми понахальней... Я только так и делала!.. Гримируйтесь, дверь я сама захлопну...

Через час, когда пришла Ванда, перевоплощение было закончено.

Ольга Надела платье актрисы и впервые взяла в руки свой новый паспорт, в котором значилось – Дубровская Вера Давыдовна, уроженка Харькова...

* * *

Когда рыжая девка выкатилась из подъезда, Шпунт задержал взгляд на ее обнаженных плечах. Они очень симпатично двигались во все стороны... А на поясице и чуть пониже желтели на зеленом платье корявые турецкие огурцы...

Шпунт заметил Рыжую, когда она входила в дом. Это было сорок минут назад... А сейчас она неторопливо удалялась, и привлекательные огурчики колыхались во все стороны... Он проводил ее взглядом, облизнулся и опять уставился на дверь в подъезд.

За два часа не произошло ничего примечательного. Никто не выходил. А вошла в дом всего лишь одна девушка, приехавшая на такси. Она была вся в красном и колыхалась, как победный флаг. И шла она не одна. С ней был огромный баул, который своими китайскими колесиками никак не хотел ехать по нашему шерботому асфальту.

Самое страшное для Шпунта началось через час. Под окна Дубровской лихо подкатил микроавтобус «Форд», в котором уже сидели веселые пассажиры – человек пять-шесть... Водитель призывно просигналил, а из машины вышел какой-то франт, который направился в подъезд.

А еще через десять минут этот самый франт вывел из подъезда Дубровскую с двумя чемоданами и красную девицу с непослушным баулом... Они начали грузиться в «Форд», а Шпунт бросился к своему «Опелю», доставая на ходу мобильник.

Он хотел позвонить шефу, хотя заранее знал, что скажет ему Фима Злотников... Червонец не любил менять свои приказания. Он сказал: «Следить за Дубровской, куда бы она ни пошла»... Вот и следи!

На вокзале Шпунт до самых бровей натянул синюю бейсболку. Ему не хотелось, чтоб Дубровская увидела его здесь. Если она решила сбежать, то пусть думает, что оторвалась от слежки... Он несколько раз степенно прошел вдоль съемочной группы, которая собиралась на краю платформы. Компания была веселая и шумная. Не надо было даже прислушиваться, чтоб узнать все их тайны.

Не упуская из виду киношников, Шпунт еще раз позвонил Ефиму Борисовичу – шеф должен немедленно узнать все новости.

– Фима, я просто в полной панике! Тут на перроне полно артистов. Они все садятся в поезд до Боровска.

– Зачем!

– У них у всех там съемки. Я так понял, что они планируют сидеть там до конца лета.

– Ясно... А Дубровская где?

– Так она уже в вагоне. А с ней подружка. Она вся в красном.

– А как зовут подружку? Не знаешь?

– Знаю, Червонец!.. Я про это случайно подслушал. Дубровская два раза назвала ее Вандой.

– Значит – она полячка. Очень странно!.. А ты молодец, Шпунт! Разведчик!.. Вот и продолжай следить.

– Как?

– Срочно уговори проводницу, садись в этот поезд и провожай Дубровскую до места съемок... А мы с Николаем приедем, если надо... Ты понял?

- Понял...Ефим Борисович, тут у вокзала мой «Опель» остался. Забрать бы его...
- Не мелочись, Шпунт! Мы великое дело делаем, а ты о своей железке волнуешься.

* * *

За год, который прошел после свадьбы, Денис Носов ни разу не пожалел о своем выборе. Его Ольга – большая умница, хотя и адвокат. И вообще – она прелесть во всех отношениях! Он ее любил, а значит, что на эмоциональном уровне не видел в ней никаких недостатков.

Но Денис был человеком мыслящим, и где-то в глубине черепной коробки несколько вредных извилин плели свои сети, подбрасывая гадкие мыслишки.

Например так... Почему у них до сих пор нет детей, хотя они активно работают в этом направлении?.. Ольге Крутовой уже перевалило за тридцать, и пора бы!

Или другой вопрос – почему она так легко отказалась от адвокатской карьеры и стала простой женой при нем, успешном бизнесмене.

А в последний месяц странности в поведении Ольги посыпались, как из рога...

Она начала ревновать Дениса, и даже пыталась следить за ним... Это кому она не верила?! Ему, который даже в мыслях никогда не помышлял!

Теперь другая странность – Ольга с Вандой задумали создать свое детективное агентство... Бабы-сыщицы? Смешно!..

Денис и Слава Зуйко упорно убеждали жен отказаться от этой затеи... В ходе споров возник аргумент, что для обывателя женщина-сыщик – это Мисс Марпл. А у той был возраст побольше, чем у Ольги и Ванды вместе взятых.

Девушки отказались от карьеры детективов и вдруг пошли на курсы в Останкино – учиться на актрис... Но и этого мало! Им сразу поступили предложения главных ролей в какой-то мелодраме.

Отговорить их невозможно, а съемки где-то в Боровске. Это недалеко от Азовского моря...

Денис верил жене стопроцентно, но не абсолютно!.. То есть, он доверял, но решил проверить.

А что такого? Месяц назад Ольга собиралась за ним следить?. Вот теперь он оплатит той же монетой... Да и не в платеже дело! Ванда импульсивна и простовата, Ольга – добрая, чистая, наивная душа. Их могут завлечь в криминальную авантюру! А как спасти?.. Боровск-то далеко, а информации про эти съемки – ноль!..

Крутова и Горбовска упростили мужей не провожать их в Боровск. Ну, в творческой среде не принято, когда проявляются родственники из другой сферы... Супруги-актеры – пожалуйста, певица и продюсер – ради бога! Но муж бизнесмен – это извини, подвинься!

Вечером, когда поезд «Москва-Боровск» был уже где-то в районе Тулы, в коттедж Дениса Носова пришел сосед – Славик Зуйко. С ним был ящик, в котором приятно позвякивали бутылки доброго пива.

Зуйко был зол, обижен и мрачен.

– Ты подумай, Денис! Мы для них всё, а они даже проводить не пустили... Они нас бросили! Ты согласен?

– Ты, Славик, не торопись. Садись и доставай свое пиво... А насчет «бросили», так я бы даже усилил. Они нас кинули!

– Именно, Денис!.. Я чувствую, что всё здесь очень странно. Не успели они попасть в Останкино, как им главные роли предлагают! Так бывает?

- Так не бывает.
- Вот!.. И фильм какой-то странный – «Любовь с видом на море»... Это намек на поездку в Боровск, или как?
- Или как!.. Ты остынь, Слава! Я знаю чуть больше, чем ты...
- Как это?
- А вот так... Вчера я нанял детектива – Бориса Кукина. Говорят, что это лучший сыщик в Москве... Это я не затем, чтоб следить, а для охраны.
- Молодец, Денис! Очень правильный шаг... Но уже что-то есть?
- Есть!.. Час назад Кукин позвонил и передал первый отчет... Так вот. Действительно, съемочная группа фильма едет в Боровск. Нашим девочкам выделили отдельное купе, типа «СВ»... Все бы хорошо, но мою Ольгу и на перроне, и в вагоне все зовут Верой Дубровской.
- Очень прикольно... А мою как зовут?
- А твоя, как была Вандой, так Вандой и осталась.
- Полный финиш!.. И как нам быть?
- Берем, Слава, отпуск не две недели и едем в Боровск... Говорят, что это не город, а сказка.

* * *

Первый час прошел в нервной суматохе. Так всегда бывает после посадки в поезд. Надо вытащить из сумок самое нужное, распахнуть все вещи, переодеться...

После переезда через Оку, когда позади осталась Московская область, всё в поезде успокоилось и вошло в нормальный дорожный ритм.

Крутова с Вандой нацепили спортивные костюмы, забрались на мягкие диваны и стали шепотом обсуждать проблемы. Говорили тихо потому, что разговор был секретный.

– Послушай, Ольга. Я тебя последний раз называю Ольгой. Ты на эти два месяца должна стать Верой Дубровской... Повторяй постоянно: «Я Вера, Вера, Вера»...

– Сейчас попробую... Я Вера, я Надежда, я Любовь... С тобой не получается! Это надо в общении с кем-то чужим.

– Это, Верочка, тебе скоро предстоит! Ты заметила, как на тебя режиссер смотрел?

– Это Фурман?.. Заметила!

– Этот Вадим Семенович на тебя, Крутова, запал... Ну, в том смысле, что он на тебя, Дубровская, не просто смотрел. Он тебя гладил глазами. Постепенно так – плечи, грудь, живот...

– Хватит, Ванда! Противно!.. Но я и сама это заметила. Он смотрел, как раздевал.

– Вот! Это только начало... Я слышала, что все режиссеры всех актрис через себя пропускают. Говорят, что в интересах искусства. Им легче потом на площадке работать.

– Слышала я, Ванда, эти слухи... А еще говорят, что и женские роли так и распределяются: вечером постель – утром роль, днем постель – вечером роль... Мне интересно, Вера Дубровская уже расплатилась с Фурманом и этот Вадим Семенович от меня чего-то захочет?

– Обязательно захочет!.. Режиссеры – они ненасытные.

* * *

Борис Кукин был легендарной личностью. Ему было около сорока лет, и половину жизни он занимался частным сыском... За последние годы он раскрыл несколько громких дел, которые у ментов числились в «глухарях».

В газетах о его подвигах не писали, но среди московских бизнесменов пошел слух о ловком детективе Кукине. Он сразу перешел в категорию сыщиков высшего разряда, а это слава и хорошие деньги.

Дело, предложенное Денисом Носовым, на первый взгляд ему не очень нравилось. Нет яркой изюминки – ни убийства, ни похищения, ни крупного наследства... Но Кукин взял крупный аванс и пообещал честно отработать десять дней.

Сразу же, еще на платформе Борис понял, что предстоит разгадывать тайну – почему жена заказчика Дениса Носова вдруг сменила имя с фамилией.

То, что перед ним не Дубровская, а Крутова, сыщик узнал сразу – с первых слов Ванды. Она попеременно называла подругу то Верой, то Ольгой...

И там же на перроне появилась еще одна тайна – парень в синей бейсболке и с криминальной внешностью. Он явно следил за Ольгой, женой заказчика...

Когда Кукин с большим трудом устроился в поезде до Боровска, он вдруг обнаружил, что «синяя бейсболка» с несчастным видом сидит в соседнем купе.

* * *

Последний раз на поезде и Ольга, и Ванда ездили два года назад. Тогда они вели себя, как близняшки – их свадьбы со Славой и Денисом отмечались в один день. А потом обе пары молодоженов отправились в Крым... Богатый и счастливый Носов постарался шикануть – купе были в два раза больше, чем это «СВ».

Но это было давно. Сейчас они в сторону моря ехали одни. А мужья остались в суетливой Москве... Впрочем, суеты хватало и здесь, в актерском вагоне.

По коридору постоянно бегала толстая Галина, ассистент режиссера. Она периодически выкрикивала фамилии, вызывая людей к Умнову или Фурману. Она распределяла талоны в вагон-ресторан. Она уточняла размещение актеров в гостинице города Боровска... Здесь впервые прозвучало, что они будут жить в старой «Азалии». Это самый шикарный отель, в котором снимали номера Распутин, Вертинский, Гагарин и Киркоров. Правда – они не встречались, так как жили здесь не одновременно...

После ужина за окнами стемнело, и суматоха поутихла. В каждом купе стали готовиться спать.

Ольга с Вандой уже постелили, когда в дверь вкрадчиво постучали... Горбовска шепотом произнесла польское ругательство «Пся крев!» и открыла – на пороге стоял режиссер Вадим Семенович Фурман.

В свои сорок с хвостиком он выглядел не очень... Толстоват и лысоват, но с большим гонором и масляными глазами.

– Я к вам, девочки... Собственно, мы с продюсером только что обсуждали вашу роль, Ванда. Она планировалась, как очень эпизодическая, но всё можно поменять... Вы ступайте, Горбовска, к Умнову. Попробуйте уговорить его, покажите себя со всех сторон... Идите же, Ванда. Артур ждет.

И Ванда ушла... А что было делать?..

Фурман закрыл дверь, подвинул к краю одеяло и сел, устремив на Ольгу страстный взгляд.

– Я думаю, Вера, что наша первая встреча не была случайной?

– Вы это о чем, Вадим Семенович?

– Как о чем?.. Тогда, после проб я был, конечно, пьян. Но я хорошо помню, что ты была великолепна... Почему ты не осталась у меня на ночь?

– Потому и не осталась!.. Вероятно, хотела сохранить приятные воспоминания. Такие встречи – это всплеск эмоций! Они, как день рождения.

– В каком смысле?

– В том, что они бывают только раз в году.
– Не понял тебя, Дубровская!.. Ты намекаешь, что мне теперь год ждать?.. Не шути так.
Это жестоко!

* * *

Шпунт тоже попытался поселиться в «Азалии», но мест не было в принципе!.. Продюсер Умнов очень удачно выбрал гостиницу. Разместилась вся съемочная группа из двух вагонов, и еще осталось десять резервных номеров – для складских целей, для костюмерной, для гостей, для опоздавших артистов. Но для случайных граждан типа Шпунта мест не было...

Вся «Азалия» начинала жить под знаком съемок многосерийного шедевра с названием «Любовь с видом на море»...

Но Шпунт ничего этого не знал. Он свято верил, что за деньги можно получить всё! В крайнем случае – за большие деньги... Ну, в самом крайнем – за очень большие...

Когда все киношники расселились и утащили свои вещи в номера, Игорек Фокин почти час пытался уломать главного администратора. Это была дородная женщина в возрасте, который сразу следует за «бальзаковским». Это где-то в районе сорока пяти или пятидесяти лет... Ее звали Кира Петровна.

Шпунт очень пытался ей понравиться. Он шутил, ловко рассказывая рискованные анекдоты. Она смеялась, смущалась и игриво махала рукой: «Ах, какой шалун»... Контакт установить удалось, но номер она так и не давала.

После заигрывания Игорек перешел к подкупу... Он вытащил пачку долларов и стал ей играть, тасуя купюры, как карты.

– Здесь, Кира, тонна баксов! Хочешь?

– Хочу... Но свободных номеров нет.

– А если подумать?

– Есть у меня квартирный маклер. Он сделает любую квартиру. Хочешь – в самом центре, а хочешь – рядом с нашей «Азалией»... Завтра в десять сменюсь и отвезу вас к нему. Вы согласны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.